

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 821.112.2 (043.3)

ГОРДЕЁНОК
Татьяна Михайловна

**КОНЦЕПЦИЯ СУДЬБЫ
В ПРОЗЕ НЕМЕЦКОГО РОМАНТИЗМА**

Автореферат на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(немецкая)

Минск, 2008

Работа выполнена в Учреждении образования «Полоцкий государственный университет»

- Научный руководитель **Гугнин Александр Александрович**,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой мировой литературы и
культурологии УО «Полоцкий государственный
университет»
- Официальные оппоненты: **Мусиенко Светлана Филипповна**,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой польской филологии
УО «Гродненский государственный
Университет им. Я. Купалы»
- Леонова Ева Александровна**,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры зарубежной литературы
Белорусского государственного университета
- Оппонирующая организация УО «Минский государственный
лингвистический университет»

Защита состоится «23» января 2009 года в 14³⁰ на заседании совета по защите диссертаций Д.02.01.12 при Белорусском государственном университете (220030, г. Минск, ул. К. Маркса, 31, филологический факультет, ауд. 62; тел. ученого секретаря: 227-61-40).

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке Белорусского государственного университета.

Автореферат разослан «__» декабря 2008 г.

Ученый секретарь
Совета по защите диссертаций

Н.Н. Хмельницкий

С древнейших времен люди пытались понять, почему события происходят так, а не иначе, почему один человек остается живым и невредимым даже в самых немислимых обстоятельствах, а жизнь другого обрывается неожиданно и трагически. Размышления на эту тему отражены во всех мифологиях, религиях, философских системах, народных пословицах и поговорках. Меняются формы человеческого общежития, развивается цивилизация, но интерес к тем или иным аспектам судьбы (свобода воли и предопределенность, детерминированность и случайность, счастье и несчастье) продолжает существовать, то затухая под воздействием рационалистических научных идей (просветительский позитивизм, научный коммунизм), то разгораясь с новой силой, когда эти идеи опровергаются самой жизнью. Особое внимание к осмыслению судьбы проявляется в эпохи революций и войн, смены общественных формаций, идеологических и социально-политических ориентиров.

Именно такой эпохой были годы Великой французской революции и наполеоновских войн, когда перекраивалась карта Европы, расшатывались основы феодального общества, пробуждалось национальное самосознание, трагически обрывались сотни тысяч жизней и, естественно, возрождался активный интерес к сущностным аспектам человеческого бытия, одним из которых является феномен судьбы. Понятие судьбы нашло яркое художественное воплощение в немецкой литературе позднего Просвещения (И.Г. Гердер, И.В. Гете, Ф. Шиллер, Жан Поль) и немецкого романтизма.

Краеугольный камень философии и эстетики романтизма – феномен человека, что означает повышенный интерес к проблемам личности, к внутренней жизни человека и скрытым глубинам его духовного мира. Понятие судьбы актуально в большей или меньшей степени для всех немецких романтиков, но особенной глубиной отличаются концепции судьбы Новалиса (*Novalis*, 1772 – 1801), Людвига Тика (*Ludwig Tieck*, 1773 – 1853), Ахима фон Арнима (*Joachim von Arnim*, 1781 – 1831), Генриха фон Клейста (*Heinrich von Kleist*, 1777 – 1811), Эрнста Теодора Амадея Гофмана (*Ernst Theodor Amadeus Hoffmann*, 1776 – 1822).

Говоря о концепции судьбы в художественном тексте, мы имеем в виду определенный способ понимания либо совокупность трактовок, образующих систему взглядов. При этом учитывается, что авторская точка зрения в произведении передается не столько на языке понятий, сколько при помощи художественных образов, в силу чего литературный текст, согласно мысли М.М. Бахтина, становится средством «непрямого говорения»¹. Концептуальный подход к исследованию судьбы позволяет осуществить комплексный анализ художественных произведений, подразумевающий изучение всех уровней сложноорганизованной структуры текста. В качестве рабочего опре-

---

¹ Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – С. 305.

деления судьбы мы используем дефиницию, предложенную В.Г. Гаком: «Судьба есть движение жизни, изменение в положениях человека»².

Для отечественной науки актуальность изучения концепции судьбы в немецкой романтической прозе обусловлена следующими факторами:

– отсутствием в белорусском литературоведении специальных исследований, посвященных изучению концепции судьбы в литературе немецкого романтизма, в то время как обязательное изучение произведений романтиков предполагается программой курса немецкой литературы для студентов филологических факультетов высших учебных заведений страны³;

– необходимостью современной оценки романтического художественного метода, а также интересом отечественных литературоведов к творческим достижениям немецкого романтизма, о чем свидетельствуют как специальные исследования, так и переводы немецких романтиков на белорусский язык;

– потребностью изучения типологических сходств и особенностей творчества немецких и белорусских романтиков, обусловленной необходимостью обеспечить базу для изучения исторического наследия белорусских писателей не только в национальном, но и в мировом литературном контексте.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с крупными научными программами и темами

Исследование концепции судьбы в прозе немецкого романтизма проводилось в рамках разработки плановых научных тем Министерства образования Республики Беларусь на кафедре мировой литературы и культурологии Учреждения образования «Полоцкий государственный университет»: «Белорусская культура в европейском контексте» (№ 20052262, 2001–2005 гг.), а также по госбюджетной теме № 1926 «Белорусский язык и литература в контексте славянских, германских и романских языков и литератур: история и современность» в 2006–2007 гг.

Цель и задачи исследования

---

² Гак, В.Г. Судьба и мудрость / В.Г. Гак // Понятие судьбы в контексте разных культур: сб. ст. / РАН, Науч. совет по истории мир. культуры, Пробл. группа «Логич. анализ яз.» Института языкознания; сост. Т.Б. Князевская; отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1994. – С. 198.

³ История немецкой литературы: учеб. программа для высш. учеб. заведений по спец. 1-21 05 06 «Романо-германская филология». Утверждено Учебно-методическим объединением вузов Республики Беларусь по гуманитарному образованию (15 марта 2006 г., рег. № ТД–ДГ–020/тип.). – Мн.: БГУ, 2006. – С. 57–63.; История зарубежной литературы: учеб. программа для студентов высш. навуч. устаноў па спец. 1-21 05 01 «Белорусская филология», 1-21 05 02 «Русская филология», 1-21 05 04 «Славянская филология», 1-21 05 05 «Классическая филология», 1-21 05 06 «Романо-германская филология», 1-21 05 07 «Китайская филология». Затверждена Учебно-методическим объединением ВУЗ Республики Беларусь по гуманитарной адукацыі (9 снежня 2004 г., рег. № ТД–ДГ 004/тип.). – Мн.: БДУ, 2005. – С. 80–83.

Цель исследования – выявление специфики концепции судьбы в прозаическом творчестве Новалиса, Л. Тика, А. фон Арнима, Г. фон Клейста, Э.Т.А. Гофмана. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

– проанализировать концепции судьбы в художественном мире Новалиса, Тика, Арнима, Клейста, Гофмана, раскрыть социальную, общественную и нравственную обусловленность их пристального интереса к судьбе;

– выявить и сопоставить особенности концепций судьбы в прозаическом творчестве вышеназванных авторов;

– определить степень зависимости решения конфликта «человек – судьба» от принципов и эстетических взглядов, характерных для различных этапов развития немецкого романтизма;

– рассмотреть мотивы и образы, используемые немецкими романтиками для выражения взглядов на судьбу, охарактеризовать индивидуальные формы художественного воплощения судьбы в произведениях Новалиса, Тика, Арнима, Клейста, Гофмана и белорусского романтика Я. Барщевского.

Объектом исследования является проза немецкого романтизма. Для проведения концептуального анализа выбраны следующие произведения – Новалис: «Фрагменты», роман «Генрих фон Офтердинген»; Тик: новеллы «Руененберг», «Белокурый Экберт», «Эльфы», «Бокал», «Любовные чары», «Удивительная история любви прекрасной Магелоны и графа Петра Прованского», «Тангейзер», «Жизнь поэта», «Поэт и его друг», «Таинственный замок», «Старая книга и путешествие в неизвестность», «Лесное одиночество», роман «Виттория Аккоромбона»; Арним: новеллы «Изабелла Египетская», «Мелюк Мария Блейнвилле, пророчица из Аравии», «Фрау фон Заверне», «Одержимый инвалид в форте Ратону», роман «Хранители короны»; новеллика Клейста; Гофман: новеллы «Фалунские рудники», «Песочный человек», «Игнац Деннер», «Магнетизер», «Хайматохаре», «Мастер Иоганн Вахт», «Роковая связь событий», «Угловое окно», «Datura Fastuosa», «Двойники», «Приключение в ночь под Новый год», сказки «Золотой горшок», «Принцесса Брамбилла», роман «Эликсиры сатаны». В исследование также привлечены повесть А. фон Шамиссо «Удивительная история Петера Шлемиля», роман Э. Мёрике «Художник Нольтен» и сборник Я. Барщевского «Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апаваданнях». **Предмет исследования** – концепция судьбы в произведениях Новалиса, Тика, Арнима, Клейста, Гофмана, способы и принципы ее репрезентации.

Положения, выносимые на защиту

1. Понятие судьбы неизменно присутствует наряду с категориями Бога, абсолютного духа и других трансцендентных сущностей в творчестве немецких романтиков. Обращение к понятию судьбы в эпоху романтизма вызвано стремлением к постижению закономерностей бытия.

2. Концепция судьбы немецких романтиков выстраивается главным образом в контексте идеалистического мировоззрения, что, однако, не означает полного отрицания рационального и материалистического объяснения судь-

бы. Концепция судьбы в прозе немецкого романтизма характеризуется многообразием трактовок; несмотря на это отправным пунктом мироощущения Новалиса, Л. Тика, А. фон Арнима, Г. фон Клейста и Э.Т.А. Гофмана является несводимость судьбы к року, что отражается в стремлении авторов наделить человека определенной свободой при принятии важных решений. В понимании немецких романтиков судьба является метафизической категорией. Осмысление и художественное воплощение судьбы в творчестве немецких романтиков и Я. Барщевского имеет типологическое сходство.

3. Эволюция представлений о судьбе сопряжена с изменением философских и эстетических принципов немецкого романтизма на разных этапах его развития, а также общественных позиций отдельных романтиков и переживает несколько стадий: жизнеутверждение, драматизм бытия, грех телесной жизни с возможностью его искупления, демонизация мироздания – с дальнейшей тенденцией к пониманию судьбы как воли человека. Одновременно с этим концепция судьбы Новалиса, Л. Тика, А. фон Арнима, Г. фон Клейста и Э.Т.А. Гофмана определяется мировоззренческим уровнем сознания и духовным опытом писателей.

4. Основные формы художественного воплощения понятия судьбы неразрывно связаны с фантастическими мотивами и образами, которые, нарушая нормы условности, способствуют символизации повествования и становятся наиболее оптимальным средством выражения мироощущения и понимания судьбы у немецких романтиков.

Личный вклад соискателя

Результаты диссертационного исследования получены автором самостоятельно на основе анализа представлений о судьбе в художественном творчестве немецких романтиков и изучения научной литературы. Диссертантом систематизированы способы художественного воплощения понятия судьбы в немецкой романтической прозе, определено их идейно-художественное своеобразие, намечены пути к определению связей творчества Я. Барщевского с немецким романтизмом.

Апробация результатов диссертации

Промежуточные и окончательные результаты диссертации были представлены на международных и республиканских научных конференциях в период с 2002 по 2007 гг.: I–V Международных литературоведческих конференциях «Русская, белорусская и мировая литература: история, современность, взаимосвязи» (г. Новополоцк, УО «ПГУ», 29–31 марта 2002 г., 2–5 апреля 2003 г., 8–10 апреля 2004 г., 7–9 апреля 2005 г., 12–14 апреля 2007 г.); VII Республиканской научной конференции студентов и аспирантов Беларуси (НИРС–2002 г.) (г. Новополоцк, УО «ПГУ», 21–22 ноября 2002 г.); VIII Международной конференции молодых ученых (г. Киев, Институт мировой литературы им. Т. Шевченко НАНУ, 21–23 июня 2005 г.); VII–VIII Международных научных конференциях «Славянские литературы в контексте мировой» (г. Минск, БГУ, 12–14 октября 2005 г., 1–3 ноября 2007 г.).

Опубликованность результатов диссертации

По теме диссертации опубликовано 14 работ, из которых 9 – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК (5,2 авторских листа), 3 – в научных сборниках (1,6 авторских листа), 2 – в материалах научных конференций (0,6 авторских листа). Общий объем опубликованных материалов составляет 7,4 авторских листа.

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, общей характеристики работы, двух глав, заключения и библиографического списка. Общий объем диссертации – 128 страниц, основной текст размещен на 110 страницах, библиографический список занимает 18 страниц (количество использованных библиографических источников – 239).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновываются актуальность темы диссертации и проблематика исследования, характеризуется степень изученности темы, раскрывается методологическая основа диссертации.

Первая глава диссертации «**Понятие судьбы как средство выражения основных идей и принципов немецкого романтизма**» состоит из пяти разделов.

В разделе 1.1 «**Новалис: предустановленная гармония**» осуществляется анализ концепции судьбы в творчестве писателя, определяется отношение автора к понятию свободы.

Творчество Новалиса отражает стремление писателя к целостности и универсальности. Задачей первостепенной важности для автора становится разгадка смысла жизни и человеческого существования, что приводит писателя к рассмотрению понятия судьбы, которое проливает свет на природу и свойства человеческой воли и свободы.

Свобода мыслится писателем как стимул к дальнейшему духовному развитию. Автор показывает, что индивид обладает правом морального выбора и способностью к самоопределению. Провозглашая свободу личности, писатель, тем не менее, не упраздняет судьбу.

Творение индивидуальной жизни происходит, согласно представлениям Новалиса, благодаря синтезированному взаимодействию трех сил: творческой личности, божественного провидения и мира. Бог для писателя – созидательная сила, творящая человека и наполняющая его внутренним светом. Индивид был и остается свободным, но достижение высшей гармонии возможно лишь через познание божественного предназначения.

В романе «**Генрих фон Офтердинген**» (*Heinrich von Ofterdingen*, 1800), где главному герою предстоит стать поэтом-жрецом Золотого века, воздействие судьбы обнаруживается по ходу всего повествования. Встреча со стариком, вещий сон, книга в пещере отшельника, в которой Генрих читает собственную жизнь – знаки судьбы, которые, однако, не означают финальную за-

вершенность грядущего. Они дарят главному герою озарение, стимулируя к дальнейшему самопознанию и самоопределению. При столкновении с судьбой Генрих верно трактует ее предначертания и, отдаваясь интуитивным порывам, избирает правильную стезю.

Путешествие Генриха превращается в духовное странствие, а путевые встречи становятся своеобразными «станциями» судьбы, которые воспитывают, обучают и ведут молодого человека к его предназначению. Оказывая воздействие на волевые душевные движения Генриха, окружающий мир органично вплетается в полотно судьбы. Влияние окружающего мира и божественного провидения на человека представляет собой естественный процесс и происходит согласно воле последнего. Ответной реакцией становится дальнейшее духовное развитие личности.

В разделе 1.2 «**Людвиг Тик: саморазрушение – самосозидание**» прослеживается эволюция концепции судьбы писателя, нашедшая отражение в его ранних и поздних произведениях.

Новеллы «Белокурый Экберт» (*Der blonde Eckbert*, 1796), «Руненберг» (*Runenberg*, 1802), «Эльфы» (*Die Elfen*, 1811), «Бокал» (*Der Pokal*, 1811), «Любовные чары» (*Liebeszauber*, 1811) изобилуют, на первый взгляд, роковыми событиями и безжалостными ударами судьбы. Однако данные произведения не укладываются в фаталистскую максиму: «Все – по предопределению», они заключают в себе более сложные проблемы. Главными героями данных произведений становятся не типичные романтические персонажи – художник или бунтарь. Писателя волнует судьба «маленького человека», чье внимание сфокусировано на собственном внутреннем мире. Цель автора – показать противоречивые и темные стороны человеческой души, неясные предчувствия, необъяснимое томление.

В ранних новеллах Тика участь человека подобна весам, хрупкое равновесие которых может нарушить любой поступок, совершенный либо неосознанно, либо в порыве страсти. Индивид не лишен свободы выбора, а значит и возможности влиять на дальнейший ход событий, однако решающую роль, особенно в переломные моменты, играет судьба. Тик выстраивает концепцию судьбы, исходя из представлений о принципиальной недостижимости идеала и невозможности преодоления конфликта. В ранних новеллах писателя находит отражение принцип «жизнь есть саморазрушение», а судьба осмысливается им как трагическая категория. Воплощая свои представления о судьбе, Тик выразил «слом» раннеромантического мировоззрения.

Позднее творчество писателя характеризуется реалистической манерой повествования, вызванной поиском новых форм, но основная тема остается прежней – «творимая жизнь». Вместе с тем, представления Тика о судьбе подвергаются существенной трансформации. Автор показывает, что внутрен-

няя сущность характера и судьба человека неразрывным образом связана с обществом, в котором он живет. Введение социальных отношений не означает рационализации и упрощения авторского взгляда на судьбу. Это по-прежнему метафизическая категория, которая недоступна рациональному объяснению, поэтому в познании судьбы особое место отводится интуиции. Такая концепция судьбы обуславливает введение в повествование ряда фантастических элементов, здесь зачастую воплощаются старые, но трансформированные мотивы (новеллы «Лесное одиночество» (*Waldeinsamkeit*, 1840), «Старая книга и путешествие в неизвестность» (*Das alte Buch und die Reise ins Blaue hinein*, 1835)).

В позднем творчестве Тика прослеживается принцип – «жизнь есть самосозидание». Место одиноких и мечущихся натур занимают яркие индивидуальности, которые мудро принимают уроки судьбы с целью дальнейшего самосовершенствования. Решения героев становятся самостоятельными и зависят от индивидуального выбора. Писатель показывает, что жизнь формируется под воздействием двух равноценных сил – судьбы и самого человека. В романе «Виттория Аккоромбона» (*Vittoria Accorombona*, 1840) Тик преодолевает понимание свободы как права на самоутверждение сильной личности и выбирает свободу как добровольное подчинение необходимости, выступающей как высший нравственный закон.

В разделе 1.3 **«Ахим фон Арним: диалог Божественного провидения и человека»** подчеркивается, что концепция судьбы писателя строится на коррекции раннеромантических принципов. В произведениях Арнима отчетливо прочитывается вера автора в судьбу как высшее предопределение. Писатель предлагает «усредненный» вариант свободы и предопределенности, где при осознании существенного влияния воли Бога весомая роль в процессе «творения» жизни отводится активному личностному началу, чувству внутреннего долга, направляющего человека к совершенствованию.

Концепция судьбы Арнима включает мотив грехопадения, который неразрывно связан с темой любви. С одной стороны, любовь отражает амбивалентную суть человеческой природы, где происходит борьба доброго и злого начал. С другой стороны, любовь предстает как эманация божественной энергии в эмпирическую реальность.

Подобный взгляд на судьбу находит отражение в романе «Хранители короны» (*Die Kronenwächter*, 1817), новеллах «Изабелла Египетская» (*Isabella von Ägypten*, 1812), «Мелюк Мария Блейнвилле, пророчица из Аравии» (*Melück Maria Blainville, die Hausprophetin aus Arabien*, 1812), «Фрау фон Заверне» (*Frau von Saverne*, 1817), «Одержимый инвалид в форте Ратоно» (*Der tolle Invalide auf dem Fort Ratonneau*, 1818). Тесное переплетение реальных и

фантастических событий указывает на то, что судьба не поддается объяснению с рациональной точки зрения.

Концепция судьбы Арнима, являя собой христианский вариант трактовки данной проблемы, используется автором для демонстрации сложности, противоречивости человеческой природы и существующего миропорядка, неразрывно связана с национальной проблематикой, имеет назидательную и в некотором смысле воспитательную функцию.

В разделе 1.4 «**Генрих фон Клейст: человек в вихре судьбы**» на основе анализа концепции личности в новеллах «Землетрясение в Чили» (*Das Erdbeben in Chili*, 1807), «Маркиза д' О» (*Die Marquise von O...*, 1807), «Святая Цецилия» (*Die heilige Cäcilie*, 1810), «Локарнская нищенка» (*Das Bettelweib von Locarno*, 1810), «Поединок» (*Der Zweikampf*, 1811), «Обручение на Сан-Доминго» (*Die Verlobung in St. Domingo*, 1811), «Найденыш» (*Der Findling*, 1811), повести «Михаэль Кольхаас» (*Michael Kohlhaas*, 1810) выявляется характер взаимодействия судьбы и человека.

Основной темой новеллистики Клейста является личная трагедия отдельного человека, которая, как правило, разворачивается на фоне проблем исторического масштаба. По замечанию М.И. Бента, новелла у Клейста «становится «метафорой», «моделью», «типом» истории человечества»⁴.

В новеллах Клейст изображает события прошлого, которые отождествляются с нравами постреволюционной действительности, и тем самым достоверно передает атмосферу своей эпохи. Произведения демонстрируют изначальную противоречивость понятия судьбы. С одной стороны, драматичность жизни героев предопределена трагическими условиями, навязанными извне (война, восстание, землетрясение, эпидемия). С другой стороны, писатель наделяет человека правом выбора и возможностью влиять на свою судьбу.

В новеллах Клейста можно выделить три типа романтических героев. К первому типу относятся идеализированные личности (Литтегарда в «Поединке», маркиза в «Маркизе д' О»), ко второму – отрицательные персонажи (Николо в «Найденыше, граф Ротбарт в «Поединке»). Третью, самую многочисленную группу, образуют персонажи, душа которых предстает как арена борьбы взаимоотталкивающихся, непримиримых начал. Предпочтение, которое Клейст отдавал натурам сложным и эгоистическим, объясняется тем, что ввиду незавершенности развития всего живого судьба человека тоже не должна рассматриваться как окончательный приговор. Счастливый либо трагичный исход зависит от меры греховности мыслей и поступков людей.

---

⁴ Бент, М.И. Немецкая романтическая новелла. Генезис, эволюция, типология / М.И. Бент. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. – С. 34.

Судьба в творчестве Клейста персонифицируется в образе справедливого Бога, который определяет к спасению благородных людей и обрекает на неминуемую гибель злодеев. Судьбу героев «смешанного» типа Бог решает индивидуально, в зависимости от преобладания доброго либо злого начал. При этом герои Клейста иногда сами обрекают себя на гибель из-за душевного надлома и невозможности преодоления конфликта во внутреннем мире («Михаэль Кольхаас», Антонио Пиаки «Найденыш»).

Новеллы Клейста демонстрируют, что судьба человека решается одновременно на трех уровнях – личном (свободное волеизъявление индивидуума), надличном (влияние высших сил, чаще всего, Божественного провидения на становление личности) и общественном (вовлечение отдельного человека в контекст мировой истории). В мире и самом человеке накоплен огромный энергетический потенциал, жизнь абсолютно непредсказуема, поэтому человек всегда оказывается втянутым в водоворот неожиданных встреч и событий, а судьба становится импровизацией.

В разделе 1.5 «**Эрнст Теодор Амадей Гофман: переменчивость и многообразие судьбы**» подчеркивается, что автор выходит за рамки понимания судьбы как полной предопределенности по отношению к человеку, стремится показать многоплановость и универсальность понятия судьбы, предлагая различные варианты трактовки.

Концепция судьбы Гофмана находит отражение в произведениях, которые, с известной долей условности, можно свести к четырем группам. В новеллах «Песочный человек» (*Der Sandmann*, 1815), «Фалунские рудники» (*Die Bergwerke zu Falun*, 1818), «Игнац Деннер» (*Ignaz Denner*, 1814), романе «Эликсиры сатаны» (*Die Elixiere des Teufels*, 1815 – 1816) пессимистическое восприятие судьбы передается при помощи фантастических образов. Произведения отражают мироощущение позднего немецкого романтизма: чувство катастрофы, давление на человека независящих от его воли обстоятельств. Жизнь героев Гофмана, как правило, трагична. Писатель показывает, что действительным местом борьбы с демонической судьбой является душа человека. Первопричина трагедии героев кроется в них самих, в силу чего освобождение от воздействия рока становится невозможным.

Демонические силы являют собой персонифицированный рок, который лишает человека свободы воли. Единоличная власть Бога ставится писателем под сомнение. В «Фалунских рудниках» автор отвергает идею о божественном спасении, властителем сверхъестественного мира становится сатанинская судьба. Таким образом, отношение Гофмана к идее Божьего промысла кардинально расходится как с йенскими, так и с гейдельбергскими романтиками.

Рассказ «Хайматохаре» (*Haimatochare*, 1819), где на смену фантастическому приходит реалистичность повествования, представляет второй тип

трактовки судьбы. Трагический финал главных героев обусловлен не влиянием inferнальных сил, а действиями человека. Тем не менее, автор далек от мысли рассматривать судьбу как свободное волеизъявление индивида. Гофман выражает мысль о невозможности проведения четких границ между действительной свободой индивида и целеполаганием судьбы.

Гофман изображает не только явления, порождающие хаос в человеческой душе, но также стремится определить пути возможного примирения с трансцендентной судьбой. Подобная позиция нашла отражение в сказках «Золотой горшок» (*Der goldene Topf*, 1814), «Принцесса Брамбилла» (*Prinzessin Brambilla*, 1820), а также новелле «*Datura Fastuosa*» (1820–1822). Основанием авторского оптимизма становится вера в возможность интуитивного постижения сути судьбы. Несмотря на счастливый исход, процесс самопознания сопряжен с мучительным преодолением препятствий.

Особое место в творчестве Гофмана занимают новелла «Роковая связь событий» (*Der Zusammenhang der Dinge*, 1819) и рассказы «Мастер Иоганн Вахт» (*Meister Johannes Wacht*, 1822), «Угловое окно» (*Des Veters Eckfenster*, 1822), где сверхреальная судьба становится «бытовой», более достигаемой для понимания. По мнению писателя, сущность человека пребывает в процессе постоянного раскрытия, но лишь одаренная интеллектом и волей личность способна выбрать ход своей судьбы. В новелле «Роковая связь событий» романтическая ирония Гофмана распространяется не только на глупца Людвига, но также является скрытой самоиронией, позволяющей автору взглянуть на положение вещей с другой стороны и возвыситься над собственным трагическим мировосприятием.

Под пером Гофмана возникают произведения, полярные по своему отношению к судьбе. Первая и третья группы демонстрируют романтический подход к пониманию судьбы, второй и четвертый тип представляют понятие судьбы, приближенное к рационалистической трактовке. Тем не менее, писатель лишь намечает, а не осуществляет реалистичный подход в освещении проблем человеческого бытия, на что указывает отсутствие поступательного перехода от одной идеи к другой. Такая синхронная многовариантность концепции судьбы Гофмана как нельзя лучше отражает внутреннюю противоречивость его натуры, разносторонность интересов, способность увидеть жизнь в разных ракурсах.

Во второй главе диссертации «**Художественные формы воплощения понятия судьбы**» на основе анализа образов гор, леса и сада, демонических персонажей, образов цыган, а также мотивов сна и смерти характеризуется стремление немецких романтиков отразить трансцендентный характер судьбы и сложность взаимосвязей между субъектами мироздания.

В разделе 2.1 «**Образы гор, леса, сада**» подчеркивается, что пространственные образы становятся в творчестве романтиков поэтическими символами, олицетворяющими контакт судьбы с человеком либо сами судьбоносные силы.

Образ гор присутствует в пятой главе романа Новалиса «Генрих фон Офтердинген», новеллах «Руненберг» Тика и «Фалунские рудники» Гофмана. Рудокоп в романе Новалиса – человек, познающий природу и свое собственное положение в мироздании. Пространственный образ гор предстает как символический крест, так как жизненный путь человека (горизонтальная линия) и божественная благодать, проникающая в самые недра земли (вертикальная ось), пересекаются. Жизнь, проведенная рудокопом в горах, воспринимается как ремесленно-трудовая идиллия.

У Тика горы противопоставляются равнине и превращаются в грозный inferнальный мир. Божий промысел стремится увести Христиана в мир равнины, где возможно духовное исцеление. Возвращение в горы означает полное моральное банкротство главного героя и свидетельствует об убежденности автора в принципиальной недостижимости идеала.

В «Фалунских рудниках» природа представляет собой демоническое начало, поэтому возможность гармоничного слияния человека с природой полностью исключается. Гофман полемизирует не только с Новалисом, но и с Тиком, ибо в новелле человек полностью лишен защиты и покровительства Бога. Неотвратимое схождение в преисподнюю бедствий приводит главного героя к гибели, покрытой мистической тайной.

Пространственный образ гор у Новалиса, Тика и Гофмана получает полифоническое звучание. Горы функционируют как объект, где угадывается замысел судьбы, вскрывается внутренняя связь между человеком, судьбой и Богом. Образ гор является не формальной пространственной кулисой для развития перипетий и коллизий, а их активной составной частью.

Пространственный образ леса является амбивалентным символом. В третьей главе «Генриха фон Офтердингена» Новалис представляет лес в духе пантеистических воззрений на природу. Здесь рождается поэт, способный достичь высшего знания. Лес предстает как добрый отец, защищающий от невзгод и открывающий дремлющие в человеке таланты. В романе осуществляется символическое единение «дикой» и «культурной» природы (леса и сада), что демонстрирует возможность достижения гармонии.

Противоречивость мироощущения Тика заключается в том, что лес, с одной стороны, предстает как защитник, как «большой дом», гостеприимно раскрывающий свои объятия человеку с целью достижения некогда утерянного единения с природой. Одновременно с этим писатель рассматривает лес как потенциально опасный объект и превращает его в пространство судьбы,

вершащей правосудие над неразумным человеком («Белокурый Экберт») либо дарящей ему спасение («Прекрасная Магелона»).

Символика сада в творчестве Тика и Гофмана многозначна. В новелле Тика «Удивительная история любви прекрасной Магелоны и графа Петра Прованского» (*Liebesgeschichte der schönen Magelone und des Grafen Peter von Provence*, 1797) сад становится символом-знаком, посредством которого судьба вступает в контакт с человеком и предупреждает об испытаниях. В произведениях Гофмана сад как символ имеет широкую амплитуду значений – от субститута идеального до фантома. В «Золотом горшке» сад, с одной стороны, создан в стиле жизненного правдоподобия, с другой стороны, – фантастичен и несет в себе черты утопии. В новелле «*Datura Fastuosa*» сад, уподобляясь многоликому дьяволу, становится пространством самообмана.

Пространственные образы, обладая иносказательностью, глубиной смыслов, многозначностью и универсальностью, передают и проявляют непостижимость судьбы, способны отражать диаметрально противоположные взгляды, что обеспечивает полемический диалог в кругу романтиков.

В разделе 2.2 «**Мотив сновидения**» отмечается особая роль снов, в которых в закодированном виде излагается судьба индивида и отражается взаимодействие человека с высшими силами.

Сновидение главного героя в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген» отражает, с одной стороны, причинно-следственные связи дальнейших событий в обыденной жизни персонажа-сновидца. Однако, несмотря на некоторую предзаданность будущего, сон, по замечанию Н.Я. Берковского, «не означает фатализма»⁵, ибо он создан стихией свободного духа Генриха. С другой стороны, сновидение обращено к внутреннему потенциалу и направляет человека к познанию мира и самого себя. Сон становится состоянием, в котором осуществляется тесное взаимодействие внешнего и внутреннего мира, одновременно с этим он является своеобразным божественным благословением в дорогу к новой возвышенной жизни.

Мотив сновидения в новелле Гофмана «Магнетизер» (*Der Magnetiseur*, 1813) является средством, благодаря которому писатель вступает в эстетическую полемику с Новалисом. Гофман провозглашает идею о дьявольском порабощении души и тела человека, которая созвучна мироощущению позднего романтизма. Изображая тесное переплетение грез и реальной жизни, писатель представляет сны как демоническую стихию. «Сверхобычное» зло реализует себя двояко – через сны, а также в лице Альбана, что делает высшее зло мистическим, но одновременно с этим жизнеподобным.

---

⁵ Берковский, Н.Я. Романтизм в Германии / Н.Я. Берковский. – Л.: Худож. лит., 1973. – С. 181.

В творчестве Тика сновидения представлены в сжатом виде, тем не менее, они являются одним из самых важных средств предугадывания судьбы. Отношение писателя к снам амбивалентно: они выступают и как продукт свободного творения личности, хотя эта свобода носит неосознанный характер, и как средство отражения предзаданности человеческой судьбы.

Вещий сон в романе Арнима «Хранители короны» выполняет информативную функцию и осуществляет «заземление» сверхреального. Сновидение демонстрирует стремление автора приблизиться к первоосновам народного творчества, что отражает эстетические устремления гейдельбергских романтиков. Благодаря символике автор существенно расширяет рамки сна.

Сновидения являются одним из важнейших атрибутов романтического сознания, что подтверждается творчеством немецких, а также белорусских романтиков. В сборнике Я. Барщевского (1790 или 1794 – 1851) «Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях» мотив сна многофункционален. Как и у Гофмана, сны предвещают опасности и беды («Рыбак Родзька», «Валасы, якія крычаць на галаве»), а также выполняют функцию родовой памяти («Ваўкалак»), становятся ареной невидимой борьбы между Богом и дьяволом. Барщевский разрабатывает мотив бессонницы («Ваўкалак», «Белая Сарока», «Стогадовы стары і чорны госць»), которая наступает вслед за богоотступническими действиями человека. Некоторые сходства мотива сна в творчестве Гофмана, Новалиса и Барщевского позволяют говорить о продолжении сложившихся традиций, которые обогащаются и используются для отражения национальной самобытности белорусов.

В разделе 2.3 «**Образы цыган**» отмечается, что при передаче трансцендентной сущности мира романтики большую роль отводят цыганам, что обусловлено интересом к экзотическому, а также невозможностью вписать цыганский народ в парадигму привычных представлений о жизни.

Фигура цыганки в повести Клейста «Михаэль Кольхаас» вызывает неоднозначную оценку писателей и литературоведов. «Нечеткость», таинственность образа ворожеи обусловлена возложенной на нее функцией посредницы судьбы. Цыганка, призванная восстановить равновесие в жестоком окружающем мире, являет собой прародительницу и хранительницу рода Кольхааса. Выступая как контраст на фоне реалистичного описания исторических сцен, образ цыганки показывает, что судьба влияет не только на жизнь отдельного человека, но может также изменить общий ход истории.

В романе «Художник Нольтен» (*Maler Nolten*, 1832), написанном представителем позднеромантической «швабской школы» Э. Мёрике (*Eduard Mörike*, 1804 – 1875), образы цыган призваны отразить один из концептуальных замыслов писателя – становление молодого художника, над которым тяготеет неумолимый рок. Образ цыганки выполняет функцию «пружины», приводя-

шей в движение события. Элизабет преследует Нольтена и обрушивает на него различные беды. Трагическая роль, которую отводит Мёрике цыганке, отражает авторское восприятие жизни как арены действия таинственных, роковых сил, а также раскрывает сложную тему – нарастание напряжения в обществе, невозможность предвосхищения дальнейшего хода истории.

В новелле Гофмана «Двойники» (*Die Doppelgänger*, 1822) цыганская жизнь изображается как вольное существование, идеал, к которому стремится свободный дух. Цыгане могут лечить человеческую душу от нравственных недугов и постигать неизведанные тайны. На данном примере Гофман создает новый, трансформированный вариант творческой личности, который уходит корнями к образу поэта-жреца в творчестве Новалиса. Размышляя над феноменом жизни, писатель показывает, что в мире незримо присутствует трансцендентное начало, но стремится изложить суть этой сложной проблемы развлекательным образом.

В рассказе «Цыган Базыль» Барщевский противопоставляет два взгляда на судьбу. Базыль верит, что судьба, предназначенная человеку некоей безликой силой, неизменна, и ее нужно принять как данность. Авторская позиция соотносится с христианскими понятиями. По мнению Барщевского, судьба – это чудесный замысел небесного Отца, который человек может исполнить либо отвергнуть. Вводя в повествование мотив гадания, писатель показывает, что желание узнать судьбу является потенциально опасным и приносит беду. Открытый финал рассказа содержит сакральный смысл и призывает людей устраивать жизнь с мыслями о Боге.

В разделе 2.4 «**Демонические образы**» утверждается, что осмысление судьбы связано в немецком романтизме с исследованием мировых сил зла, а стремление к антропоморфному изображению судьбы обуславливает широту диапазона демонических образов.

В сказке Клингсора в девятой главе романа Новалис, устремляясь к мифологическим первоосновам, персонифицирует судьбу и превращает созданный им мифический мир в арену драматической борьбы добрых и злых сил. Мир сказки символизирует универсум во всем многообразии его форм, а судьба, которая может управлять и находиться в подчинении, в состоянии погубить и создать новое, выступает как средство отражения антиномичности бытия. Образ злобных старух, персонификаций демонической составляющей судьбы, символизирует смертность человека, преходящесть всего сущего, но одновременно это препятствия, которые побуждают к действию и ведут к качественному преображению личности.

Одним из ведущих антропоморфных образов судьбы в литературе романтизма является образ дьявола. В новелле «Тангейзер» (*Der getreue Eckart und Tannenhäuser*, 1799) Тик, с одной стороны, закрепляет за человеком право

свободного выбора, с другой стороны, необходимость обретает видимость свободы, в результате чего целеполагания личности, по сути, становятся иллюзорными. Образ многоликого дьявола демонстрирует подверженность человеческой натуры темным силам, но вместе с тем указывает на нераздельность свободы и необходимости. В новелле Клейста «Найденыш» явственно звучит критическое отношение автора к идее божественного всемогущества. Приравнивая дьявола к Богу, писатель сталкивает в смертельной схватке человека и сатану, что приводит к раскрытию истинной сущности героев новеллы.

В творчестве немецких романтиков тема «договора с дьяволом» выходит за рамки критики буржуазно-капиталистических отношений и дает возможность определить отношение авторов к судьбе. В повести «Удивительная история Петера Шлемия» (*Peter Schlemihls wundersame Geschichte*, 1813) А. фон Шамиссо (*Adelbert von Chamisso*, 1781 – 1838) выражает идею о том, что будущее человека предопределено, но путь, по которому он идет к своей судьбе, человек выбирает сам. В новелле «Приключение в ночь под Новый год» (*Die Abenteuer der Silvester-Nacht*, 1815) Гофман демонстрирует фатальную неизбежность предназначенного жребия при абсолютном давлении инфернальных сил на человека. В рассказе «Вогненные духи» Барщевский трактует демоническое начало как разрушительное для духовной жизни, акцентирует внимание на неистинности существования человека, забывшего христианские добродетели.

Мировые силы зла в представлении романтиков препятствуют прорыву человека к познанию Абсолюта (Новалис), принадлежат сфере земного, овладевают механизмами воздействия на личность и приводят ее к грехопадению (Шамиссо, Барщевский), утверждают трагическое бессилие и иллюзорность надежд человека (Тик), свергают Божье царство и устанавливают сатанинские законы (Клейст, Гофман).

В разделе 2.5 «**Мотив смерти**» подчеркивается, что индивидуалистический подход к человеку и его судьбе породил у немецких романтиков разнообразные типы изображения смерти и ее трактовки.

Новалис придает смерти положительное значение, более того, она эстетизируется, ибо прощание с жизнью, по мысли автора, сопряжено, с чувством прекрасного и возвышенного. В романе «Генрих фон Офтердинген» смерть воспринимается главным героем как обновленное рождение в вечности.

В творчестве Арнима и Барщевского образ смерти-сна реализуется через снопоподобные состояния, благодаря которым человеку дается право подвести итог своей жизни («Изабелла Египетская», «Хранители короны», «Стогадовы стары і чорны госць»). Бог, выступающий правителем земных судеб и

гарантом высшей справедливости, посылает героям смерть, которая воспринимается как прощение греха (Карл) либо как воздаяние за праведную жизнь (Изабелла, Гераська). Состояние, переживаемое персонажами, просветлено верой и надеждой, носит сакральный характер.

В повести «Михаэль Кольхаас» Клейст развивает мысль о том, что судьба личности не завершается вместе с актом физической смерти. Гибель Кольхааса – это своеобразный суд судьбы, вынесшей ему обвинительный и оправдательный приговор одновременно. Смерть главного героя становится закономерным наказанием за совершенные преступления. Однако подобный финал несет в себе возрождение, ибо судьба, награждая потомков барышника процветанием, устанавливает высшую справедливость.

В раннем творчестве Тика доминирует трагическое восприятие жизни и смерти. Писатель фокусирует внимание не на самом акте физической смерти, а на процессе умирания. Мотив «жизнь-в-смерти» Тик воплощает в новеллах «Белокурый Экберт», «Руненберг», «Тангейзер». Духовная смерть романтических героев вызвана не эгоизмом и скепсисом, а неопытностью и беспомощностью, которые определили их трагический финал.

Творчество Гофмана характеризуется двояким отношением к смерти. В новеллах «Фалунские рудники», «Магнетизер», «Песочный человек» автор демонстрирует наличие жестокой судьбы и причисляет ее к законам природы. В «Эликсирах сатаны» писатель продолжает осмысливать проблему раздвоенности личности и постулировать всесильность судьбы. Обретение единства личности происходит в романе благодаря примирению плоти и духа. Автор предлагает вариант образа смерти, который синтезирует несколько значений: смерть как воля высших сил, прощение греха, преодоление смерти как небытия, обретение любви и новой жизни на небесах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

1. Понятие судьбы, предполагающее антиномию свободы человеческой личности и необходимости, является наряду с категориями Бога, абсолютного духа и других трансцендентных сущностей одной из важнейших составляющих эстетики немецкого романтизма. Судьба приравнивается романтиками к законам мироздания, определяющим движение, развитие и становление всего живого на Земле. Учитывая социально-политические условия, научные и литературные тенденции, сложившиеся к концу XVIII – началу XIX вв., а также особенности романтического мироощущения можно утверждать, что обращение немецких романтиков к понятию судьбы вполне закономерно [4; 6; 12; 14].

2. Судьба воспринимается немецкими романтиками в рамках философской системы идеализма, что, с одной стороны, определяет наличие сходств концепциях судьбы Новалиса, Л. Тика, А. фон Арнима, Г. фон Клейста, Э.Т.А. Гофмана, с другой стороны, не исключает многообразия интерпретаций. Константным аспектом мироощущения указанных авторов является корреляция понятия судьбы и идеи о свободе выбора, что подразумевает несводимость судьбы к року. При взаимодействии с судьбой человеку отводится пассивная (ранний Тик, Гофман) либо активная роль (Новалис, Гофман), но чаще это некий усредненный вариант, где личность проявляет себя как партнер судьбы (Арним, Клейст, поздний Тик). В представлении немецких романтиков судьба является метафизической категорией, недоступной рациональному объяснению, поэтому в познании судьбы особая роль отводится интуиции. Общая картина восприятия судьбы в немецком романтизме отличается противоречивостью, так как судьба с присущей ей антиномичностью может трактоваться и как трагическая и как жизнеутверждающая категория. В концептуальное содержание понятия судьбы включаются представления о божественном провидении, предопределении как иррациональной темной силе, необходимости как высшего нравственного закона, а также идея о вовлеченности человека в контекст мировой истории. В ряде произведений Гофмана, где на примере активно действующих личностей судьба утверждается как воля человека, осмысление судьбы приближено к рационалистической трактовке («Роковая связь событий», «Мастер Иоганн Вахт», «Угловое окно»). Очевидное сходство, которое прослеживается в концепциях судьбы А. фон Арнима и Я. Барщевского, свидетельствует о наличии типологических параллелей немецкого и белорусского романтизма [2; 3; 4; 5; 9; 11; 14].

3. Концептуальное содержание понятия судьбы определяется не только конкретно-историческими условиями, но также теми принципами, которые образуют мировоззренческую основу каждого из трех этапов в истории немецкого романтизма. Эволюция представлений о судьбе проходит несколько стадий: от жизнеутверждающего творения судьбы благодаря взаимодействию творческой личности, божественного провидения и мира (Новалис) к трагическому восприятию судьбы и «слову» раннеромантических идеалов (ранний Тик) с дальнейшим переходом к христианской трактовке судьбы, включающей грех телесной жизни с возможностью его искупления (Арним, Клейст), к завершающей стадии, где судьба человека определяется сатанинскими силами (Клейст, Гофман), может осмысливаться и как нечто фатальное, и как воля человека (Гофман). На формирование индивидуальной концепции судьбы каждого из рассмотренных авторов существенное влияние оказали собственные духовные переживания [3; 5; 6; 14].

4. Стремление немецких романтиков отразить трансцендентный характер судьбы и сложность взаимосвязей между субъектами мироздания определяет построение особой системы мотивов и образов в литературных текстах. Художественное воплощение понятия судьбы в немецком романтизме неразрывно связано с фантастическим, основными репрезентативными формами являются образы гор, леса и сада, демонические персонажи, образы цыган, а также мотивы сна и смерти. Многослойность смысловой структуры фантастических мотивов и образов превращает их в поэтические символы, которые олицетворяют контакт судьбы с человеком либо сами судьбоносные силы. Универсальность и амбивалентность основных форм воплощения судьбы разрешает использование традиционно заданной семантики, вместе с тем способствует выработке нового содержательного наполнения, что позволяет отражать диаметрально противоположные взгляды и обеспечивает полемический диалог в кругу немецких романтиков [1; 7; 8; 10; 11; 13].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Материалы диссертации могут быть использованы при создании учебников и учебно-методических пособий для студентов филологических факультетов; в педагогической практике при построении вузовских лекционных курсов по зарубежной литературе, подготовке спецкурсов по истории романтизма, проблемам литературных традиций и новаторства.

Научная значимость полученных результатов заключается в исследовании концепции судьбы в немецком романтизме в ее целостности и вариативности, что обеспечивает необходимый фундамент для изучения понятия судьбы в немецкой литературе других периодов, а также при сравнительном анализе эстетики и поэтики европейского романтизма.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в научных журналах

1. Гордеёнок, Т.М. Цыганская тема в новелле Ахима фон Арнима «Изабелла Египетская» / Т.М. Гордеёнок // Вестник Полоцк. гос. ун-та. Сер. А. Гуманит. науки. – 2002. – Т. 1. – № 4. – С. 75 – 82.
2. Гордеёнок, Т.М. Концепция судьбы в новелле Г. фон Клейста «Михаэль Кольхаас» / Т.М. Гордеёнок // Вестник Полоцк. гос. ун-та. Сер. А. Гуманит. науки. – 2004. – № 3. – С. 34 – 36.
3. Гордеёнок, Т.М. Концепция судьбы в новелле Л. Тика «Руенберг» / Т.М. Гордеёнок // Вестник Полоцк. гос. ун-та. Сер. А. Гуманит. науки. – 2005. – № 1. – С. 116 – 120.
4. Гордеёнок, Т.М. Идея судьбы в позднем творчестве Людвига Тика / Т.М. Гордеёнок // Вестник Полоцк. гос. ун-та. Сер. А. Гуманит. науки. – 2006. – № 1. – С. 131 – 135.
5. Гордеёнок, Т.М. Концепция судьбы в творчестве Ахима фон Арнима / Т.М. Гордеёнок // Вестник Полоцк. гос. ун-та. Сер. А. Гуманит. науки. – 2006. – № 7. – С. 164 – 168.
6. Гордеёнок, Т.М. Концепция судьбы в творчестве Э.Т.А. Гофмана / Т.М. Гордеёнок // Літературознавчі обрії: Праці молодих учених. Вип. 10. – Київ: Ін-т літ. ім. Т.Г. Шевченка НАН України, 2006. – С. 169 – 173.
7. Гордеёнок, Т.М. Пространственные образы леса и сада как художественные формы воплощения идеи судьбы в немецкой романтической прозе (Новалис, Л. Тик, Э.Т.А. Гофман) / Т.М. Гордеёнок // Вестник Полоцк. гос. ун-та. Сер. А. Гуманит. науки. – 2007. – № 1. – С. 112 – 117.
8. Гордеёнок, Т.М. Сновидения как средство воплощения размышлений о судьбе (Новалис, Э.Т.А. Гофман) / Т.М. Гордеёнок // Вестник Могилев. гос. ун-та. – 2007. – № 2–3 (27). С. 125 – 132.
9. Гордеёнок, Т.М. Понятие судьбы в немецком и белорусском романтизме (А. фон Арним, Я. Барщевский) / Т.М. Гордеёнок // Вестник Полоцк. гос. ун-та. Сер. А. Гуманит. науки. – 2008. – № 1. – С. 142 – 147.

Статьи в научных сборниках

10. Гордеёнок, Т.М. К проблематике цыганской темы в немецкой литературе (Э. Мёрике и К. Хайн) / Т.М. Гордеёнок // Проблемы истории литературы: сб. ст. / Ин-т славяноведения РАН, Мос. гос. откр. пед. ун-т, Полоцк. гос. ун-т; отв. ред. А.А. Гугнин. – Москва – Новополоцк, 2002. – Вып. 15. – С. 40 – 48.

11. Гордеёнок, Т.М. Концепция судьбы в новелле Э.Т.А. Гофмана «Фалунские рудники» / Т.М. Гордеёнок // Белорусская литература и мировой литературный процесс: междунар. науч. сб.; редкол.: А.А. Гугнин (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк: УО «ПГУ», 2005. – С. 333 – 339.
12. Гордеёнок, Т.М. Концепция судьбы в новеллистическом творчестве Генриха фон Клейста / Т.М. Гордеёнок // Проблемы истории литературы: сб. ст. / Ин-т славяноведения РАН, Мос. гос. откр. пед. ун-т, Полоцк. гос. ун-т; отв. ред. А.А. Гугнин. – Москва – Новополоцк, 2006. – Вып. 19. – С. 205 – 212.

Материалы научных конференций

13. Гордеёнок, Т.М. Цыганская тема в новелле А.ф. Арнима «Изабелла Египетская» (тезисы) / Т.М. Гордеёнок // Материалы VII Респ. науч. конф. студентов и аспирантов Беларуси (НИРС–2002): в 3 т. / Полоцк. гос. ун-т. – Новополоцк, 2003. – Т. 2. – С. 45 – 46.
14. Гордеёнок, Т.М. Концепция судьбы в ранних новеллах Л. Тика / Т.М. Гордеёнок // Славянскія літаратуры ў кантэксте сусветнай = Slavonic literatures within the world context: VII Міжнар. навук. канф., 12–14 кастр. 2005 г., Мінск: зб. навук. арт. У 3 т. Т. 1 / Беларус. дзярж. ун-т, філал. фак.; рэдкал.: Г.М. Бутырчык (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2007. – С. 299 – 305.

РЕЗЮМЕ

Гордеёнок Татьяна Михайловна

Концепция судьбы в прозе немецкого романтизма

Ключевые слова: судьба, необходимость, предопределенность, провидение, рок, свобода, активность, случай, символ, мотив, образ, амбивалентность.

Цель исследования – выявление специфики концепции судьбы в прозаическом творчестве Новалиса, Л. Тика, А. фон Арнима, Г. фон Клейста, Э.Т.А. Гофмана.

Объектом исследования является творчество Новалиса, Л. Тика, А. фон Арнима, Г. фон Клейста, Э.Т.А. Гофмана. В диссертации также анализируются произведения Э. Мёрике, А. фон Шамиссо, Я. Барщевского. **Предмет** исследования – концепция судьбы в произведениях Новалиса, Тика, Арнима, Клейста, Гофмана, способы и принципы ее репрезентации.

Методология исследования основывается на принципах системно-структурного и сравнительно-исторического методов, а также на опыте, накопленном в рамках исторической поэтики.

Диссертация посвящена исследованию концепции судьбы в прозе немецкого романтизма. Впервые определены и сопоставлены особенности концепций судьбы в прозаическом творчестве Новалиса, Тика, Арнима, Клейста, Гофмана. Выявлена зависимость представлений романтиков о судьбе от принципов и эстетических взглядов, характерных для различных этапов развития немецкого романтизма. Систематизированы и охарактеризованы формы художественного воплощения понятия судьбы в творчестве немецких романтиков, намечены пути к определению связей творчества Я. Барщевского с немецким романтизмом.

Результаты диссертации могут быть использованы при подготовке лекционных и специальных курсов, семинарских и практических занятий по истории немецкой литературы, в научных работах по проблемам литературных традиций и новаторства. Исследование концепции судьбы в прозе немецкого романтизма призвано создать необходимый фундамент для изучения понятия судьбы в немецкой литературе других периодов, а также при сравнительном анализе эстетики и поэтики европейского романтизма.

РЭЗЮМЭ

Гардзяёнак Таццяна Міхайлаўна

Канцэпцыя лёсу ў прозе нямецкага рамантызму

Ключавыя словы: лёс, неабходнасць, прадвызначанасць, наканаванне, свабода, актыўнасць, выпадак, сімвал, матыў, вобраз, амбівалентнасць.

Мэта даследавання – выяўленне спецыфікі канцэпцыі лёсу ў праявічай творчасці Наваліса, Л. Ціка, А. фон Арніма, Г. фон Клейста, Э.Т.А. Гофмана.

Аб’ектам даследавання з’яўляецца творчасць Наваліса, Л. Ціка, А. фон Арніма, Г. фон Клейста, Э.Т.А. Гофмана. У дысертацыі таксама аналізуюцца творы Э. Мёрыке, А. фон Шаміса, Я. Баршчэўскага. **Прадмет** даследавання – канцэпцыя лёсу ў творах Наваліса, Ціка, Арніма, Клейста, Гофмана, спосабы і прынцыпы яго рэпрэзентацыі.

Метадалогія даследавання грунтуецца на прынцыпах сістэмна-структурнага і параўнальна-гістарычнага метадаў, а таксама вопыту, назапашанага ў межах гістарычнай паэтыкі.

Дысертацыя прысвечана даследаванню канцэпцыі лёсу ў прозе нямецкага рамантызму. Упершыню вызначаны і супастаўлены асаблівасці канцэпцыі лёсу ў праявічай творчасці Наваліса, Ціка, Арніма, Клейста, Гофмана. Выяўлена залежнасць уяўленняў рамантыкаў аб лёсе ад прынцыпаў і эстэтычных поглядаў, характэрных для розных этапаў развіцця нямецкага рамантызму. Сістэматызаваны і ахарактарызаваны формы мастацкага ўвасаблення паняцця лёсу ў творчасці нямецкіх рамантыкаў, акрэслены шляхі да вызначэння сувязей творчасці Я. Баршчэўскага з нямецкім рамантызмам.

Вынікі дысертацыі могуць быць выкарыстаны пры падрыхтоўцы лекцыйных і спецыяльных курсаў, семінарскіх і практычных заняткаў па гісторыі нямецкай літаратуры, у навуковых працах па праблемах літаратурных традыцый і наватарства. Даследаванне канцэпцыі лёсу ў прозе нямецкага рамантызму прызначана стварыць неабходны фундамент для вывучэння паняцця лёсу ў нямецкай літаратуры іншых перыядаў, а таксама пры параўнальным аналізе эстэтыкі і паэтыкі еўрапейскага рамантызму.

SUMMARY

Gordeenok Tatiana Mikhailovna

Concept of Fate in the Prose of German Romanticism

Key words: fate, necessity, predestination, prevision, fatality, freedom, activity, incident, symbol, motive, image, ambivalence.

The aim of the research is to reveal specific features of the concept of fate in the works of prose by Novalis, L. Tieck, A. von Arnim, H. von Kleist, E.T.A. Hoffmann.

The object of research is the creative work of Novalis, L. Tieck, A. von Arnim, H. von Kleist, E.T.A. Hoffmann. In the dissertation some works by E. Mörike, A. von Chamisso, I. Barshchevski have also been analysed. **The subject of the research** is the concept of fate in the works by Novalis, Tieck, Arnim, Kleist, Hoffmann, means and principles of its representation.

The methodology of the research is based on the principles of systemising and structuring and on the comparative and historical methods as well as on the experience that has been accumulated within historical poetics.

The dissertation is devoted to the research into the concept of fate in the prose of German Romanticism. The novelty lies in the definition and comparison of the peculiarities of the concept of fate in the works of prose by Novalis, Tieck, Arnim, Kleist, Hoffmann. The dependence of romanticists' apprehension of fate on principles and aesthetic views typical of various stages of development in German Romanticism has been discovered. Forms of artistic realisation of the notion of fate in the works by the German Romanticists have been systemised and characterised. The ways to define links between the works by I. Barshchevski and those by the German Romanticists have been laid down.

The results of the dissertation can be used in preparing lecture and special courses, seminars and workshops on the History of German Literature, in research on the problems of literary traditions and innovations. The research into the concept of fate in the prose of German Romanticism is called upon to make up a foundation for investigating the notion of fate in German Literature in the other periods of its development, as well as for a comparative analysis of the aesthetics and poetics of the European Romanticism in general.

Татьяна Михайловна ГОРДЕЁНОК

**КОНЦЕПЦИЯ СУДЬБЫ
В ПРОЗЕ НЕМЕЦКОГО РОМАНТИЗМА**

10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(немецкая)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать
Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Отпечатано на ризографе. Усл. печ. л. 9, 05. Тираж 100. Заказ

Издатель и полиграфическое исполнение
Учреждение образования «Полоцкий государственный университет»

ЛИ 02330/0133020 от 30.04.04
ЛП № 02330/ 0133128 от 27.05.04
211440 г. Новополоцк, ул. Блохина, 29